

На следующий день после того, как его напугали и он убежал домой, Цюй Хэ поднялся с постели, почувствовав ноющую боль в затылке. Он не придавал этому особого значения, решив, что просто неудобно спал. Встав уже к обеду, он чувствовал сильное раздражение. Его мать в эти дни была занята обслуживанием тёти с дядей, бабушки с дедушкой, отца и его самого. Она одна бегала по делам, а ещё стояла во дворе, уперев руки в бока, и ругалась с теми, кто показывал на них пальцами. Её терпение тоже было на исходе.

Во дворе никого не было. Люди в округе смотрели на их семью свысока, но, подчиняясь их влиянию, не осмеливались подавать голос или выступать против. Мать Цюй Хэ распалилась не на шутку, и её громкий голос разбудил самого Цюй Хэ. Он с раздражением крикнул матери, и та неохотно пошла приносить ему еду.

Цюй Хэ придирчиво посмотрел на тушёную редьку с рёбрами. В котле было много редьки, но все рёбра достались трём мужчинам в доме. Учитывая, что Цуй Дапао и Цюй Чжицян были ранены, Цюй Хэ больше не получал лучшей еды в доме. Увидев в огромной миске всего три большие кости с крошечными кусочками мяса, он сразу нахмурился и закричал:

— Мама, ты что, съела моё мясо?

Голос был столь громким, что его слышали во всем доме.

Он явно вымещал злость на матери, но на самом деле все и так знали, на ком он на самом деле злится.

Мать Цюй Хэ долго и добросовестно уговаривала его, и он, наконец, нехотя взял палочки. Только он поднес кусок ребра ко рту, как вдруг почувствовал, будто его руку что-то укусило. Резкая боль заставила его выронить палочки, а ребро покатилося по одеялу и шлёпнулось на пол.

— Я... — Цюй Хэ уже собрался выругаться, но боль в позвоночнике мгновенно лишила его голоса. Тело обмякло, и он рухнул вперёд.

Стол опрокинулся с грохотом, посуда разлетелась по полу, одеяло было залито супом. Единственная фарфоровая миска в доме, проработавшая более десяти лет, ударилась о кирпич под кроватью и с треском разбилась, окончательно выйдя в отставку.

— Что случилось? Что случилось? — Мать Цюй Хэ вбежала в комнату в панике. Она могла грозить людям на улице, но дома была самой бесправной.

— А-а-а... — Стоны Цюй Хэ были приглушены в горле. Сначала он мог издавать слабые звуки, но со временем боль в горле стала настолько сильной, что любое вибрация причиняла ему невыносимые страдания.

— Мама, мама! — Мать Цюй Хэ увидела его состояние — глаза, полные крови, вздувшиеся вены, багрово-синее лицо, словно у демона из ада, — и задрожала, закричав в ужасе.

— Чего ты орешь? — Бабушка Цюй Хэ, не спросив причины, сначала отчитала его мать, а затем, увидев внука, яростно закричала на неё:

— Ты что стоишь как истукан? Беги скорее за врачом из коммуны!

Цюй Хэ почувствовал, будто попал в мир полной тьмы. Он не слышал звуков, не видел света, не мог кричать. Ему казалось, что вокруг люди вонзают в него гвозди, безжалостно ломают кости

мотыгами, а бесчисленные насекомые пожирают его плоть. Он чувствовал, как кровь сочится из тела, а муравьи, слетаясь толпами, вползают в его сосуды.

Прошло неизвестно сколько времени, и он перестал чувствовать существование своих рук. В ужасе он широко раскрыл глаза, но ему почудилось, что по ним ползают сороконожки. Затем он почувствовал покалывание в запястьях, будто кости начали заново расти. Но вслед за покалыванием немедленно возникла острая боль, словно его снова пожарили.

Плоть отрастала и снова пожиралась, и этот цикл повторялся с разной скоростью. Самым ужасным был момент, когда его обглодали до кровавого черепа, а затем плоть начала нарастать заново крошечными кусочками.

В темноте чувство времени терялось. Цюй Хэ, мучимый болью, прокрутился в этом цикле пожирания и восстановления несколько раз. Ему казалось, что прошли сотни лет, но в реальности прошло всего десять минут.

Семья Цюй Чжицяна жила в небольшом домике, который раньше принадлежал богачу в деревне. После того как богача расстреляли, Цюй Чжицяна, как командир батальона ополчения, устроил так, чтобы его семья переехала туда. Дом был переделан, становясь всё более захлампленным и уродливым, но этот кирпичный дом с двором вызывал зависть у всей бригады.

Врач из коммуны жил неподалёку от них. Врач был из чужой деревни, и в их деревне ему негде было жить, поэтому Цюй Чжицяна предоставил ему свою развалившуюся соломенную хижину. Однако он сделал это не из высоких принципов, а просто для показухи. К тому же хижина находилась совсем рядом с их нынешним жильём, и Цюй Чжицяна собирался использовать врача как личного доктора за государственный счёт.

Мать Цюй Хэ вышла во двор и громко крикнула. Врач, привыкший к их вымогательствам, бросил все дела, схватил специально подготовленный для семьи Цюй Хэ деревянный ящик и побежал.

Старый врач, втягиваемый матерью Цюй Хэ, ворвался в комнату, тяжело дыша, поставил ящик и, не дав себе передохнуть, сразу же потянулся проверить пульс Цюй Хэ.

Едва врач коснулся Цюй Хэ, как того начало сильно трясти.

— Что ты делаешь? Ты, ублюдок, хочешь погубить единственного отпрыска нашей семьи Цюй?

— Бабушка Цюй Хэ, увидев страдания внука, пронзилась жалостью и яростью, тут же закричала в истерике. Бабушка позвала своего мужа, и втроём они прижали Цюй Хэ, стараясь помочь врачу прощупать пульс.

Старый врач, как только увидел состояние Цюй Хэ, понял, что дело плохо. Он с опаской схватил руку Цюй Хэ, долго проверял пульс и, под гневными взглядами матери и бабушки, дрожащим голосом сказал:

— Цюй... Цюй Хэ, похоже, просто перегрелся...

Едва он это сказал, он действительно увидел три пары глаз, готовых извергнуть пламя. Он снова дрожащими руками ощупал всё тело Цюй Хэ, но после долгого обследования смог сделать лишь один вывод — телосложение Цюй Хэ было гораздо крепче, чем у его сына!

Под гневными взглядами, даже в такой холодный день, на лбу у врача выступил пот.

— Бам! — Старый врач закатил глаза и чисто упал в обморок.

Семья Цюй скрипела зубами, но что они могли сделать? Разве можно было дотащить человека, чтобы снова избить?

Подобная ситуация произошла во многих семьях, прихвостни Цюй Хэ были замучены до полусмерти, но никто не мог им помочь.

Семья Лян вечером получила кое-какие новости: мол, Цюй Хэ по неизвестной причине потерял сознание и был отправлен в больницу в посёлке. Бабушка Лян была так рада, что готова была плясать от счастья. Наконец-то этот проклятый маленький засранец получил воздаяние небес!

История с внезапной потерей сознания Цюй Хэ и его шайки вызвала много шума, добавив жителям коммуны тему для разговоров. Поскольку семья Цюй Хэ в последнее время была тесно связана с семьёй Лян, обсуждение сплетен о Цюй Хэ неизбежно затрагивало и Лянов, но ничего нового не появлялось. То есть обсуждали только старые события. Ведь вчера в дом Лян приходило всего два-три бродяги, и семья Лян не имела прямого контакта с Цюй Хэ, так что никто не считал это дело рук людей. Максимум, ходили слухи, что Цюй Хэ был напуган Лян Цзивэнем, и ещё раз вздыхали над невезучей судьбой семьи Лян.

Поскольку у Цюй Хэ случились неприятности и его семья была занята по горло, на их стороне наконец-то установилась тишина. Лян Цзивэнь каждый день вёл их физические упражнения, иногда он тоже присоединялся к тренировкам, а затем, прежде чем мать успевала открыть рот, сам сознательно возвращался на своё место. За несколько дней физическое состояние семьи Лян улучшилось заметно. Боли в спине и пояснице, появившиеся от начала занятий, исчезли, всем стало казаться, что тело стало намного легче, и даже трое стариков при ходьбе чувствовали себя намного бодрее.

<http://bllate.org/book/16557/1510926>